

Глава I

28 января 1823 года

Более коварного создания земля еще не носила, — заявил Кристофер Авери Кортленд, граф Вейнрайт, шагая ранним январским утром по Блэкмурской долине со своими друзьями, маркизом Сэинтхиллом и герцогом Хантсли. Охотясь на зайцев, они так замерзли и проголодались, что граф, которого часто называли, используя лишь его титул, сожалел, что они не предпочли пешей охоте стремительную погоню за дичью на лошадях.

Прищурившись, герцог Хантсли смотрел вдаль на свору разрывающихся от лая гончих, потом покосился на Вейна.

— Что ты там бормочешь?

Хантсли, или, как его называли друзья, Хантер, в полном соответствии со своим именем¹ преуспевал в спорте — независимо от того, была ли это бешеная скачка за зверем по покрытым инеем лугам или преследование хорошенькой женщины, что само по себе представляло куда более сложную задачу. Возможно, это объяснялось тем, что его дни в качестве «свободного» джентльмена были сочтены. Однажды, будучи изрядно на подпитии, он упомянул, что его бабушка некогда обручила своего двенадцатилетнего внука с маленькой девочкой, на тот момент едва выбравшейся из пеленок. Этот хитрый ход сулил значительное увеличение семейных земельных владений.

---

¹ Hunter (англ.) — охотник. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Теперь, когда мать самого Вейна, маркиза Нетерли, решила, что ее сыну пришло время жениться, граф от души сочувствовал другу.

Что касается Саймона Уиндхема Джеффера, маркиза Сэинтхилла, или Сэйнта, то он не обладал ни спокойствием, ни выдержкой, которых можно было бы ожидать от владельца такого прозвища¹. Еще в юности оборвав все связи с семьей, двадцатидевятилетний маркиз жил для себя. Вот кому завидовал Вейн, ибо в его дела родня вмешивалась без зазрения совести.

— Скорее всего, это он о своей новой любовнице, — ответил за него Сэйнт, поудобнее перехватывая двустольное ружье.

— Вы что, меня совсем не слушаете? — нахмурился Вейн, покосившись на Сэйнта. — Я уже битый час рассказываю вам о том, что в этом сезоне мать твердо решила испоганить мое пребывание в Лондоне. Как подумаю об этом, у меня все холодеет внутри.

Хантер обернулся к Сэйнту:

— Пари?

В глазах Сэйнта вспыхнул интерес.

— Сто фунтов сойдет? — предложил он.

— Двести, — выдвинул встречное предложение Хантер.

Это вызвало такое раздражение Вейна, что, едва удержавшись от того, чтобы не повысить ставку до пятисот фунтов, он так пнул Сэйнта в голень, что тот едва удержался на ногах. К сожалению, до Хантера было сложно дотянуться.

— Имейте хоть немного уважения, джентльмены! Вы говорите о моем будущем, черт вас подери! Хотя, я вижу, вам обоим на это наплевать. Если моей матери удастся настоять на своем, к лету я уже буду женат.

---

¹ Saint (англ.) — святой.

Хантер небрежно махнул рукой, отмечая опасения Вейна.

— Твоя очаровательная семидесятидвухлетняя матушка уже два года пытается заковать тебя в семейные кандалы. Пока у нее ничего не вышло.

— Ты научился ловко уворачиваться от ее изящных ловушек, — напомнил ему Сэнт. — Я уверен, что ты и на этот раз перехитришь свою матушку. Я готов поставить триста фунтов на победу нашего милого друга, — добавил он, повернувшись к Хантеру.

Тот сдвинул брови на переносице, обдумывая предложенные Сэйнтот условия.

— Весьма безрассудное пари, но я его принимаю, — наконец ответил он и слегка поклонился в сторону Вейна. — Прошу прощения, дружище. Ничего личного.

— Брось!

Вейн и не думал обижаться на заключение друзьями пари. Как он, так и все его шестеро друзей, известных в высшем лондонском свете под общим прозвищем «Порочные Лорды», были отчаянными спорщиками и обожали биться об заклад. Тем не менее Хантер, похоже, испытывал легкое чувство вины за то, что противопоставил свои интересы интересам друга. Он замедлил шаг и тронул Вейна за рукав.

— Хотя я скептически отношусь к шансам леди Нетерли на победу, было бы невежливо с моей стороны не предложить ей помощь.

Вейн мрачно смотрел на собеседников.

— Вы оба недооцениваете мою мать. Два неудавшихся лондонских сезона только придали ей решимости. Теперь она пустит в ход все, потому что, с ее точки зрения, женить меня так же трудно, как выдать замуж беззубую старую деву без единого пенса приданого.

Хантер и Сэйнт усмехнулись, услышав это абсурдное сравнение.

— Никогда не показывай женщине свою слабость, дружище, — посоветовал Хантер. — Всем известно, что, стоит им уверовать в возможность победы, они уже не остановятся ни перед чем.

Глава 2

20 марта 1823 года, вблизи деревушки Коутерсейдж

Делия!

Способность сестры в мгновение ока исчезать из поля зрения возмущала Изабеллу Торн до глубины души. Она замерла у подножия узкой лестницы в ожидании отклика.

Леди никогда не повышает голос на домочадцев и слуг.

Изабелла мысленно поморщилась, вспомнив одно из пафосных изречений матери, часто действовавших на ее и без того потрепанные нервы. Если бы Сибилла не удалилась в спальню, чтобы отоспаться после чая, щедро сдобренного опиумом и бренди, она непременно отчитала бы Изабеллу за грубость.

Девушка вынудила себя улыбнуться и, подняв голову, взглянула на экономку, показавшуюся над полированными деревянными перилами площадки второго этажа.

— Я уж обыскалась, мисс Торн, — вздохнула женщина, — но ее и след простыл.

— Благодарю вас, миссис Далман. Можете вернуться к своим обязанностям, — отозвалась Изабелла, прищурившись и размышляя о том, где могла укрыться ее сестра в попытке уклониться от порученных ей дел.

«Делия, ты не имеешь права сбегать, когда тебе только захочется. Наше хозяйство постепенно приходит в запустение — мы не можем позволить себе нанять больше слуг».

Разумеется, тихих жалоб Изабеллы никто не услышал.